

К Р О К О Д И Л

ГОД ИЗДАНИЯ Х V I I

К 556/38г

КРИВАЯ РОСТА ПРОГУЛОВ ГРАЖДАНИНА ЛОДЫРЕВА

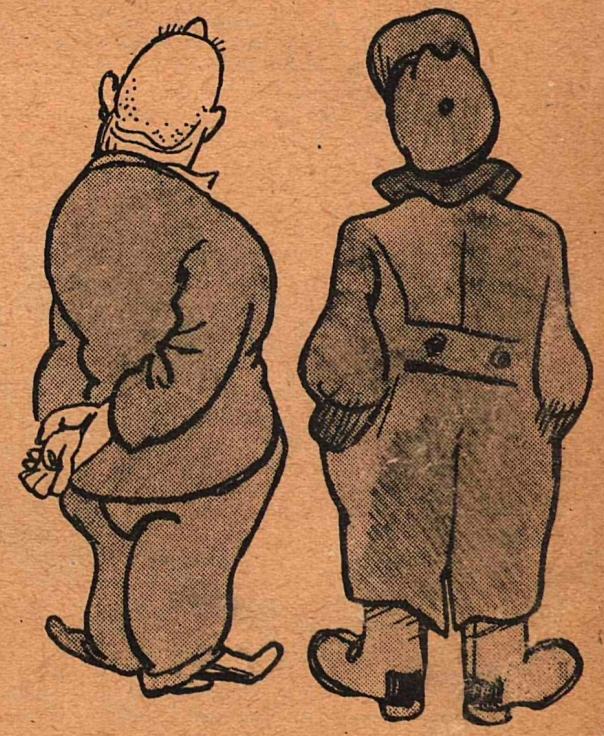
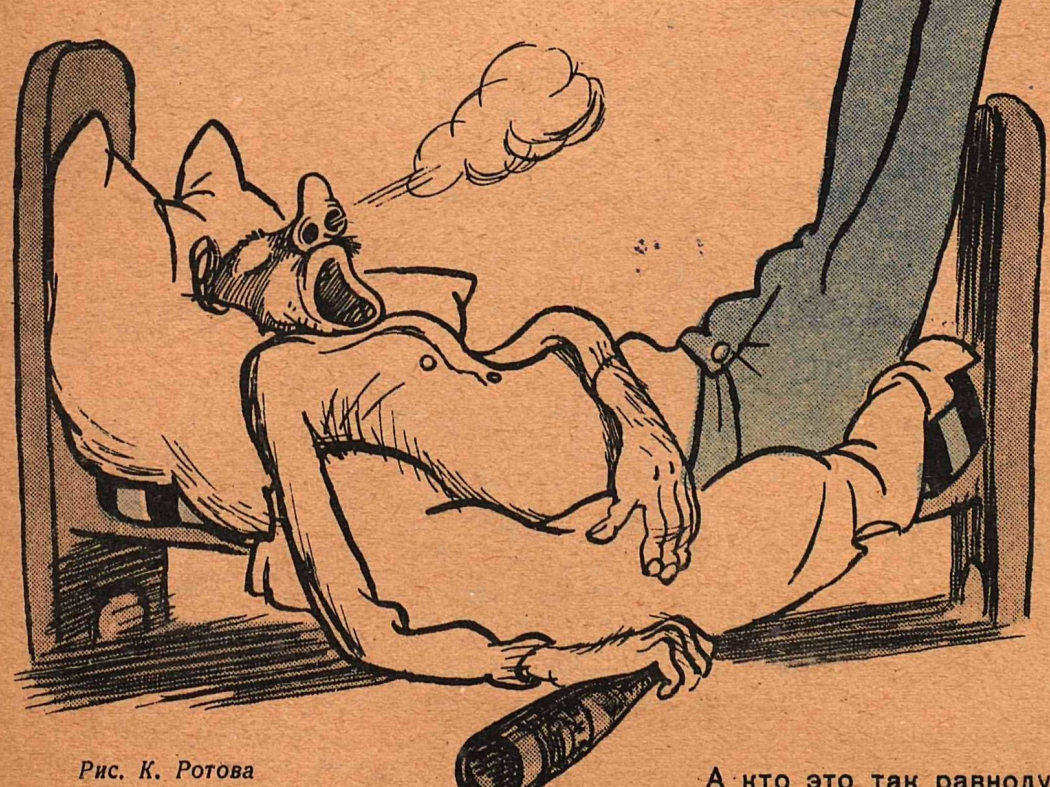


Рис. К. Ротова

А кто это так равнодушно взирает на позорную диаграмму? Хотя они стоят к нам спиной, но сдается, что один из них — Лихонин, заместитель директора московского механического завода имени 1 Мая, а второй — Житков, начальник отдела кадров завода.

К.Р. 38

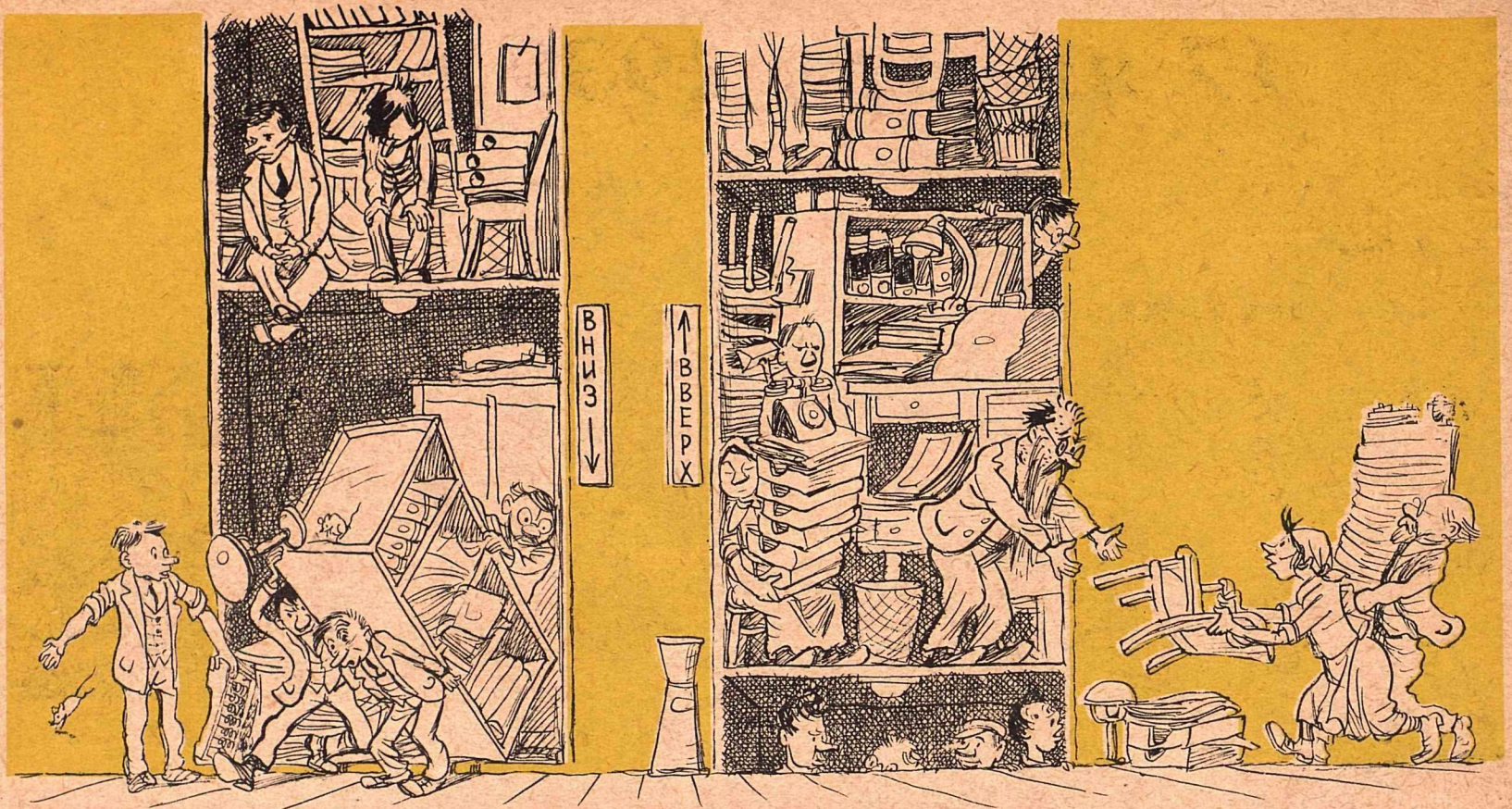


Рис. И. Семенова

ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ОТДЕЛОВ,
или
затянувшаяся „перестройка“ аппарата в Наркомторге СССР.

Воротничок

ЖИЗНЬ полна неожиданностей, и не всегда они бывают приятными.

Эту банальную истину Аркадий Николаевич постиг в московской гостинице, когда, раскрыв чемодан, убедился, что жена забыла положить туда воротнички от рубашек.

Рубашки были на месте, свежевыглаженные, чуть накрахмаленные, даже слегка надушенные.

А воротничков не было.

«Положение! — печально присвистнув, подумал Аркадий Николаевич. — Магазины сейчас закрыты, завтра с утра мне в Кремль, а воротничок после дороги цвета кофе с молоком».

Он еще раз взглянул на свой дорожный воротничок и мысленно уточнил сравнение:

«Вернее, цвета кофе почти без молока».

— Товарищи, что же делать? — вслух сказал Аркадий Николаевич, обращаясь к портретам Гайдны и Баха, почему-то украшавшим стены его номера.

Великие композиторы бесстрастно молчали. «Не могу же я идти получать орден без воротничка, с галстуком на голой шее?..»

Он начал вспоминать знакомых, но как всегда бывает в таких случаях, оказалось, что Сидоров в отпуску, Куликов в командировке, Качульский откуда-то не приехал, а Дементьев куда-то уехал.

Вот тогда-то Аркадий Николаевич и вспомнил своего московского дядю Федю, которого не видел лет десять — пятнадцать.

В жизни Аркадия Николаевича дядя Федя играл роль небольшую. Аркадий Николаевич знал лишь, что есть на свете такой дядя Федя, профсоюзный работник, и что живет он в Москве.

Еще ему — по семейным преданиям — было известно, что в детстве, когда дяде Феде было пять лет, он проглотил медную монету трехкопеечного достоинства. Остальная, после монеты, часть дядиной биографии оставалась для Аркадия Николаевича туманной.

«Чорт с ним! Позволю ему и попрошу воротничок. Он, кажется, добрый старик — выручит по-родственному!»

Аркадий Николаевич нашел в телефонной книжке дядину фамилию — Столбунов — и набрал номер.

— Можно товарища Столбунова?

— Столбунов слушает, — откликнулась трубка не очень приветливым тенорком.

— Дядя Федя, с вами говорит ваш племянник Аркадий Николаевич. Из Днепропетровска. Помните меня?

— Помню, — нехотя сказала трубка.

— Как живете, дядя Федя?

— Ничего себе!..

На этом разговор прервался.

«Надо что-нибудь ему еще сказать! Нельзя же сразу про воротничок! — судорожно подумал Аркадий Николаевич и вдруг неожиданно для самого себя, подчиняясь темным законам памяти, сказал в трубку:

— Как... эта самая... монета ваша не беспокоит вас?»

— Какая монета?

— Которую — вы помните? — проглотили.

Трубка помолчала, потом ответила с легким смехом:

— За последние пятьдесят лет, дорогой племянничек, я иногда испытывал беспокойство от отсутствия монеты, но никогда от ее присутствия!..

Поняв, что разговор не получается, Аркадий Николаевич решил прямо «брать быка за рога»:

— Дядя Федя, а ведь я к вам с просьбой. Понимаете, я только сегодня приехал в Москву. Остановился в гостинице. И сейчас обнаружил, что забыл взять с собой воротнички от рубашек. Магазины уже закрыты, а мне завтра с утра нужно идти в одно место. У вас какой номер воротничков?

— Тридцать девятый!..

— Чудно! Мой размер. Выручите по-родственному, дядя Федя! Хотите, я к вам приеду, хотите — вы ко мне. Посидим, познакомимся. Я вам много интересного расскажу.

Трубка молчала.

— Ну как же дядя Федя, а?

— А ты, собственно, зачем приехал в Москву? — вдруг подозрительно спросил дядя Федя.

— По... личным делам! — неосторожно ответил Аркадий Николаевич, которому показалось нескромным сказать, что он приехал получить орден.

— Случилось... что-нибудь?

— Случилось! — сказал Аркадий Николаевич и улыбнулся своему отражению в зеркале.

В трубке закашляли.

— В прессу попадет, как ты думаешь? — спросил дядя Федя совсем уж тревожно.

— Думаю — да... Мне, дядя Федя, откровенно говоря, не хочется, чтобы шум был, но...

— Откровенно говоря, мне тоже не хочется, — сказал дядя Федя. — Хотя у нас и разные фамилии, но все-таки... В какое же это ты одно место собираешься завтра идти?

— Неудобно по телефону об этом говорить, дядя Федя!.. Приезжайте ко мне с воротничком, все расскажу!..

На этот раз пауза была особенно длинной. Потом трубка строго сообщила:

— У меня все воротнички в стирке.

— Все в стирке, до одного?

— Все до одного. И потом... До свиданья!

Аркадий Николаевич услышал сухой треск отбоя.

А через два дня после этого разговора дядя Федя, пожилой мужчина с жестким седым ежиком на голове и красным фельдфебельским лицом сидел в номере у Аркадия Николаевича и, стараясь не глядеть на новенький орден, поблескивающий на борту пиджака племянника, лепетал:

— Вот я тебе тут принес воротничков. Шесть штук. Я так жалел, так жалел, дорогой племянничек, что не смог тогда выручить. В чем же ты ходил в Кремль?

— В косоворотке пришлось пойти, — сказал Аркадий Николаевич, улыбаясь одними глазами.

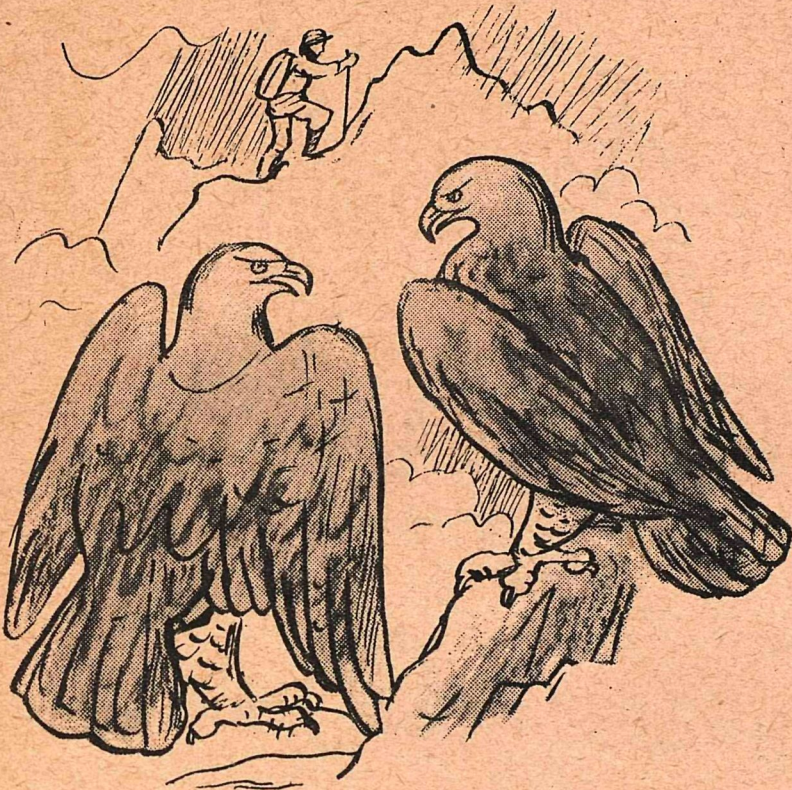
ЛЕОНИД ЛЕНЧ

17 января 1939 года

(К предстоящей переписи)

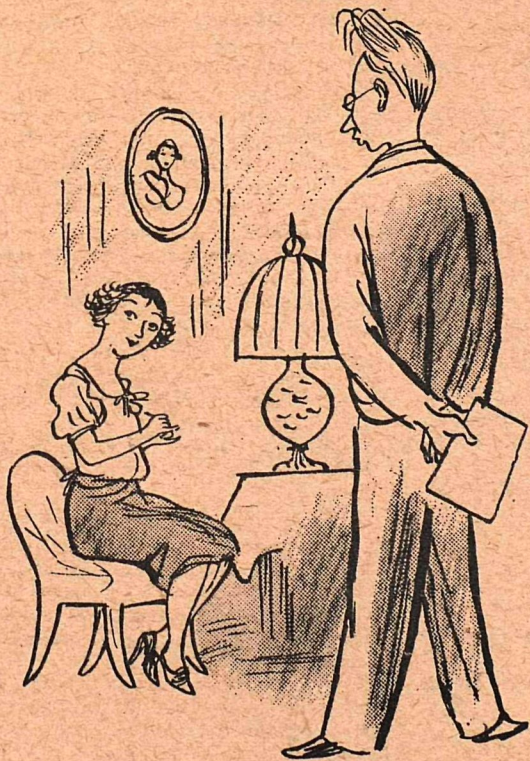
Рис. Л. Генча

ВСЕ ВЫШЕ И ВЫШЕ



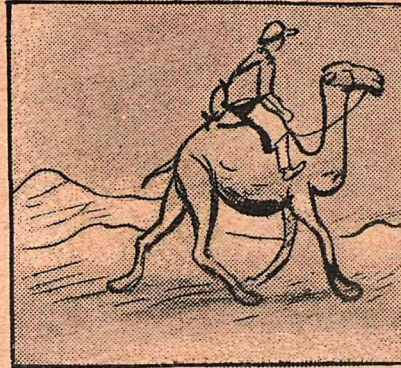
— Гляди, альпинист ползет.
— Какой это альпинист. Это счетчик. Ищет, нет ли здесь населения.

ВОПРОС ПО СУЩЕСТВУ



— Я вас, Варвара Петровна, спрашиваю не как жених, а как счетчик: сколько вам лет?

ИГРА ПРИРОДЫ

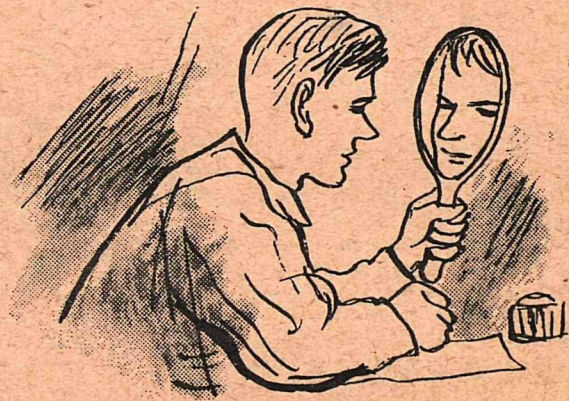


Доступные места



Малодоступные места

ЗАПАРИЛСЯ...



СЧЕТЧИК: — Ваше имя, товарищ?

В МАГАЗИНЕ ЭЛЕКТРОПРИБОРОВ



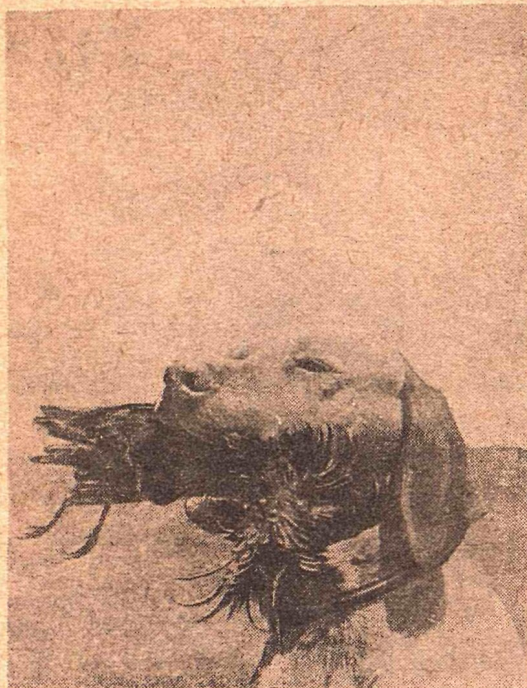
— Счетчики есть?
— Только что ушли.



СИНЯЯ КНИГА



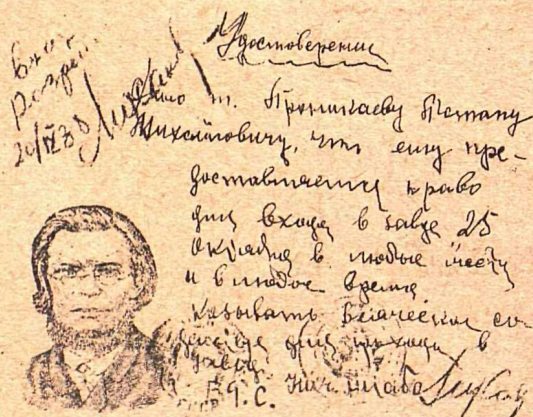
Вестник знания



1938 * УЧПЕДГИЗ * № 9

Конечно, знание — сила. Но нельзя «Вестнику знания» злоупотреблять своей силой и этими необдуманными подписями под фотоснимками выступать против Учпедгиза.

Роскошный мандат

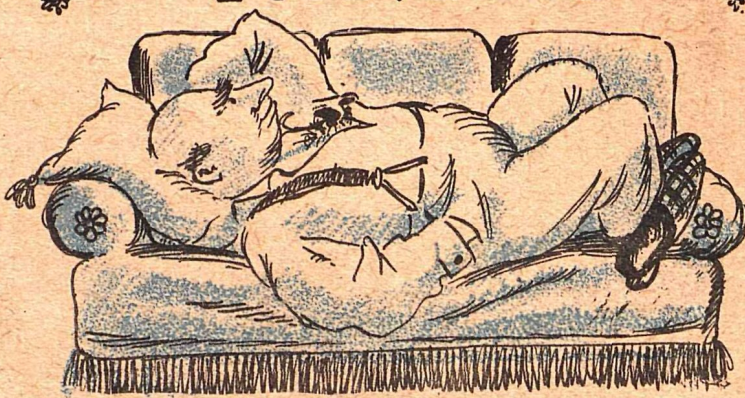


Выдан документ некоему Проникаеву, а портрет — популярного писателя второй половины прошлого века — Решетникова. Вместо печати приложен оттиск обыкновенной пятикопеечной монеты, смазанной чернилами.

И, тем не менее, лицо, представившее этот, с позволения сказать, пропуск, было пропущено на территорию судоремонтного завода имени 25 Октября (город Горький).

На заводе имеется, конечно, охрана. Но охрана эта липовая.

Проникаев-Решетников совершил это правонарушение с целью проверки бдительности, будучи в «легкой кавалерии» завода. И еще характерно: комендант завода знал о том, что готовится проверка, и даже распорядился поостроже относиться к пропускам. А вот все-таки пропустили человека с таким роскошным мандатом, как приведенный выше.



А. С. Пушкина он ценил и уважал. К М. Ю. Лермонтову относился пренебрежительно.

А. С. Пушкина он ценил и уважал потому, что это было юбилейное издание в прекрасном переплете с золотым тиснением.

М. Ю. Лермонтов, наоборот, выглядел более чем скромно. Это было дешовое, массовое издание в неприглядном картонном переплете.

По одежде встречают. Вот почему А. С. Пушкин стоял, сияя, на виду — в кабинете, на изящной полочке из орехового дерева.

Неказистый М. Ю. Лермонтов был раз и навсегда водворен в детскую и не смел появляться в кабинете. Особенно при гостях.

В кабинете Василия Семеновича Калачева было много полочек из орехового дерева. На всех полочках стояли книги.

Это было очень красиво. На одной полочке стояли книги в переплетах цвета беж. На другой полочке — книги, одетые в фиолетовые костюмы. На третьей — красные книги. На четвертой — зеленые.

Беда случилась и с И. С. Тургеневым: он был в малиновой одежде. Других малиновых книг у Василия Семеновича не было. Не поставишь же И. С. Тургенева рядом с А. П. Чеховым, когда последний, как на зло, наряжен в голубой переплет. И. С. Тургенев причинил немало беспокойства В. С. Калачеву.

У В. С. Калачева, как видите, была любовь к изящному.

— Книжки украшают жизнь, — говаривал он. Ему в голову никогда не приходило, что эти книги можно читать.

Было бы странно и дико подойти к роскошным полочкам и, нарушая порядок и симметрию, вытащить оттуда книжку. Кроме всего прочего, при чтении можно вот хотя бы этого самого Л. Н. Толстого так затрепать, что он станет похожим на М. Ю. Лермонтова.

Василий Семенович никогда не трогал книг. И домашним своим запрещал даже близко подходить к этим драгоценным украшениям своего стильного кабинета.

В том же кабинете на стенках висели разрисованные фарфоровые тарелки. Висят — и пусть себе висят. Не станешь же, право, есть из таких тарелок солянку или суп-вермишель.

Книги для Василия Семеновича были на положении тех самых тарелок. Фарфоровые и коленикоровые украшения дополняли друг друга, лаская глаз нашего любителя изящного.

Не думайте, что он был оторван от жизни и текущих событий. Он читал.

Он читал инструкции, распоряжения вышестоящих главков, докладные записки и ежедневно просматривал газеты.

Зарубежных телеграмм он не читал: еще года два тому назад он запутался в сложных лабиринтах всевозможных комиссий по немешательству и разоружению. А потому бросил «всю эту канитель» и перестал вникать, чтоб «голову не засорять».

Тихо и спокойно жил Василий Семенович Калачев. И даже иногда с докладами выступал.

Но вот недавно мирное течение его жизни было немного нарушено.

На заседании горкома партии такой руководящий работник, как товарищ Орлов, сказал:

— Может, это вам и в обиду будет. Но вы, товарищ Калачев, похожи на Обломова.

«Кто такой Абломов?» Василий Семенович не мог ответить себе на этот вопрос. Однако он почувствовал, что тут кроется для него, Калачева, что-то в высшей степени оскорбительное.

«Может, этот Абломов — дурак и прохвост? И почему именно я похож на него?»

Он начал перебирать по памяти всех работников городских учреждений. В финотделе есть Абрамов, но нет Абломова. В отделе народного образования — Абельман. Где же работает проклятый Абломов, и чем он не пришелся по вкусу товарищу Орлову?

«А, может, это не местный работник, а какой-нибудь видный деятель старого режима?»

Он кинулся к старой энциклопедии. Пересмотрел все фамилии на букву А. Он натолкнулся здесь на Авигаил, жену покойного царя Давида. Повстречался с Авимелехом, владыкой филистимлян. Тут же по соседству покоился и Авзоний, древний римский поэт.

Абломова не было. Как в воду канул.

«Может, спросить у Пети? Они там в восьмом классе проходят всякие физики и химии»

— Петя! — позвал он сына. — Кто такой Абломов?

— Не Абломов, а Обломов, — ответил Петя. — Это герой романа Гончарова, классическое произведение.

— А кто он такой, этот герой?

— Типичный представитель своего класса. Ярко выраженное олицетворение неподвижности и лени, апатии и пассивности.

— Гм... Вот как! Олицетворение... И кто написал про это олицетворение?

— Гончаров, классик.

— Руководящий классик или так себе?

— Талантливый писатель. Ленин его цитировал. Он называл обломовыми людей, которые, лежа на кровати, составляют планы.

— Вот как! Даже Ленин. А когда жил этот Гончаров?

— Писатель прошлого столетия. Вот его книги...

И Петя ткнул пальцем в ту полочку, где стояли синие книги.

— Хорошо. Ступай.

«Вот оно какая штука! Сила-то какая! Почти сто лет тому назад человек написал слово «Обломов», и до сей поры это слово звучит хуже всякой отрицательной характеристики... Гм...»

Василий Семенович вдруг почувствовал, что он, Василий Семенович, уж не так умен, каким он себя всегда почитал. Он почувствовал, что он что-то в жизни не понял, упустил.

Он рванулся к полке, к синей книге И. А. Гончарова. Но ему как-то страшно стало: неужели все книги надо читать?

Он отошел от полочки, лег на диван. И произнес вслух:

— Ну, как-нибудь в следующий раз... Успею.

Г. РЫКЛИН

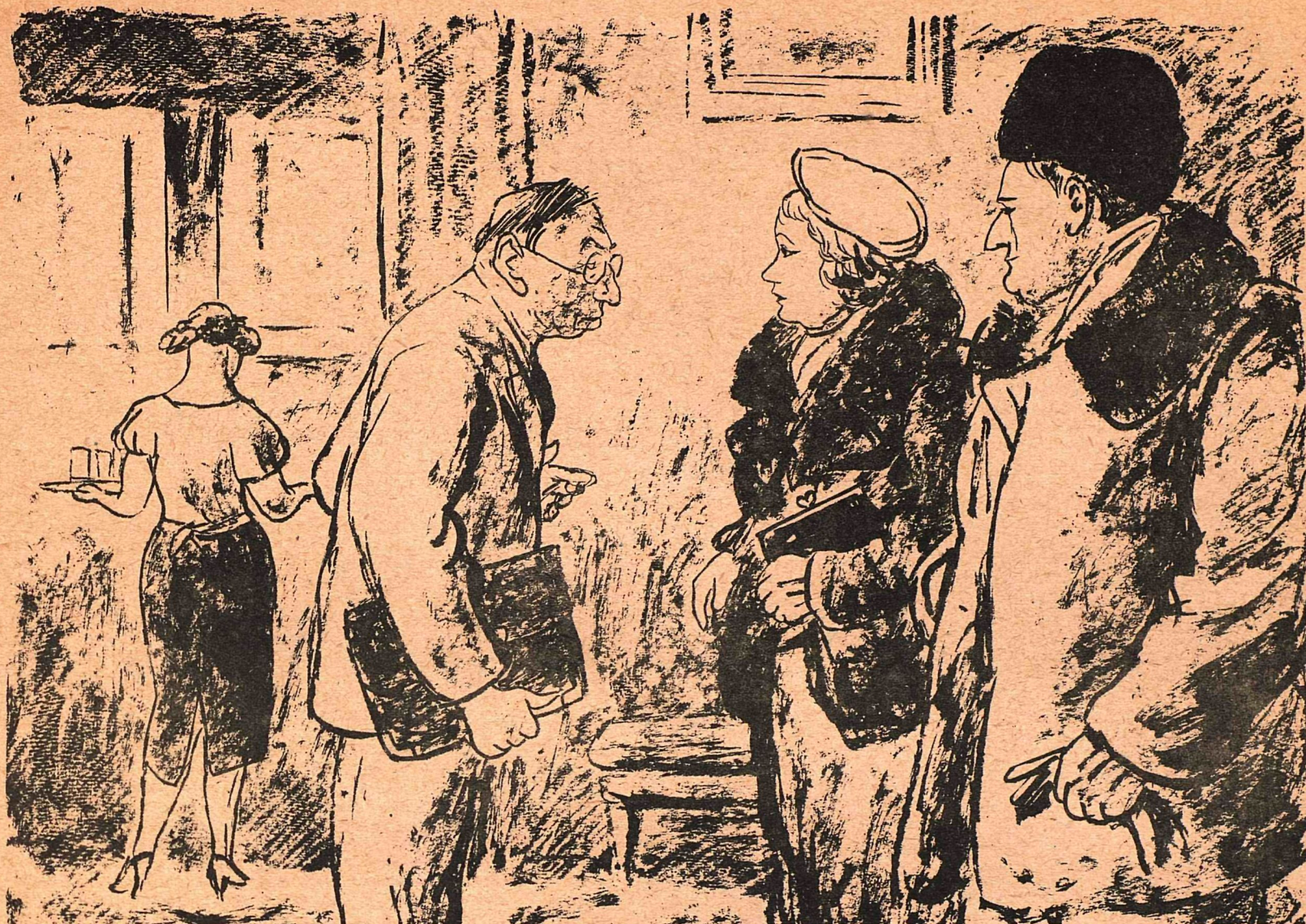


Рис. Л. Генча

НЕУСТААННЫЕ ЗАБОТЫ

- Почему до сих пор нет приема?
- У начальника заседание по вопросу о лучшем обслуживании посетителей.

Приказы, достойные попасть в Крокодил

ПРИКАЗ

по Всесоюзному научно-исследовательскому институту с.-х. машиностроения «ВИСХОМ»
г. Москва № 235 10/XI-1938 г.

Полагать в командировке

1. Рыбакова М. И.— помощника руководителя льноуборочной лаборатории в г. Гагры для составления тематического плана лаборатории на 1939 год сроком с 5/XI по 11/XI с. г.

И. о. директора Висхома: КОЛОТУШКИН

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКЦИИ. Не правда ли, Гагры — чудесный курорт? И более подходящего места для составления тематического плана по льну не сыщешь. Да и пляж хороший. Лучше чем в Сочи.

ПРИКАЗ № 118-а

по Глуховскому учительскому институту

§ 1

Приказ по Глуховскому учинституту от 1/XI-38 г. за № 113 о снятии меня с работы и. о. директора в соответствии с приказом Наркомпроса от 29/X-38 г.,— как ошибочный и несоответствующий действительности — отменить.

§ 3

К исполнению обязанностей директора Учинститута приступил 16/XI 1938 г..

Директор Учинститута НАВОЕНКО

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКЦИИ. Приказ Наркомпроса от 29/X-38 г. об увольнении Навоенко за развал работы в Институте был собственноручно подписан наркомом просвещения УССР тов. Хоменко. Публикуя ответный приказ Навоенко, Крокодил выражает свое соболезнование Наркомпросу УССР.

Сложные проблемы

Я РЕШИЛ провести этот вечер научно и отправился в клуб на доклад «Техника завтрашнего дня». В приглашении, напечатанном на обороте какого-то забракованного циркуляра, было сказано, что докладчиком выступит председатель «секции научных усовершенствований и новейших достижений» Иван Иванович Первобытнов.

Иван Иванович оказался прекрасным докладчиком, он развернул перед нами такую блестящую картину технического прогресса, что мы обомлели и не были в состоянии даже аплодировать.

Иван Иванович часа два говорил об успехах в расщеплении атомного ядра. О том, что недалек час, когда человечество сможет использовать освобожденную внутриатомную энергию. Он рассказал, что благодаря успехам подземной газификации угля мы будем обогревать наши квартиры при помощи легкого газа, который будет течь по трубам из Донбасса. Потом он перешел к авиации, и мы вместе с Иваном Ивановичем полетели в беспосадочный рейс на луну.

После доклада ко мне подошел Иван Иванович и, утирая пот, струившийся по лицу, сказал:

— Мне надо остыть, человек я сырой. Прохватит морозом и загниешь... Ну, как доклад?

Я выразил искреннюю благодарность и восторженно пожал его руку. Наконец, я получил свое пальто, но, взглянув на часы, понял, что опоздал на трамвай. Иван Иванович весело хлопнул меня по плечу.

— Идем ко мне. Я живу близко. Насчет атомов сообразим, — он подмигнул мне и выразительно пощелкал по горлу, из чего я заключил, что Иван Иванович подкован не только теоретически, но и практически по части расщепления пробок и высвобождения внутрибытовой энергии.

Через несколько минут мы уже входили в квартиру Ивана Ивановича.

— Коллега, прошу за стол! Продолжаю наше научное собрание и откроем оживленные прения! — он звучно откупорил бутылку и наполнил стаканы.

Где-то стучали часы. В углу на столе я заметил будильник, стоявший вверх ногами. Уловив мой вопросительный взгляд, Иван Иванович улыбнулся:

— Часы, будьте покойны, точные. Только вот в нормальном положении почему-то не идут. Я два месяца терпеливо изучал эту аномалию, ставил будильник в разные положения, и, наконец, труды мои увенчались успехом: вверх ногами идет прекрасно.

За стеной раздался оглушительный грохот, казалось, там быют в пол тяжелой кувалдой.

— Что это такое? — спросил я.

— Это сын мастерит что-то. Он, как и я, ужасно увлекается техникой. Но только я — теоретически, а он — практически. Ничего не поделаешь — сын века. Завидую его детству! Вспомнинаю, в какой варварской среде я провел свое детство! Больные зубы у нас выдергивали так: больного клали на высокие полаты, прихватывали зуб суровой ниткой, а на другой конец нитки незаметно привязывали кирпич... Потом стаскивали кирпич, и он своей тяжестью выдергивал зуб. Варварство! А теперь и водопровод, и кино, и радио, и телефон. Культура!

«Сын века» снова ударил кувалдой, и тотчас же позади меня взревел знакомый бас диктора:

— ... метров. Передаем легкую музыку.

— Ага, заговорил! — злорадно сказал Иван Иванович, поворачиваясь к радиоприемнику. — Всегда вот так: молчит-молчит, а как ударишь посильней в пол, — говорит. Или еще так можно: хлопнуть раза два крышкой, а потом переключателем по всем станциям рвануть, — помогает.

Я решил позвонить домой, предупредить домашних, чтобы не ждали. Я несколько раз набирал номер, но никаких гудков в трубке не слышал. Тогда на помощь мне пришел Иван Иванович. Он посоветовал одной рукой натя-

нуть посильней шнур, а другой приподнять рычаг, после чего щелкать пальцем по трубке и дуть в нее непрерывно. Мне долго не удавалось сочетать эти движения, наконец, я постиг секрет телефонных разговоров и услышал гудки.

Все предметы в комнате выглядели как-то странно, большинство из них давно утеряло свой естественный вид: выключатель был раскрыт, вместо эбонитовой кнопки торчала английская булавка, с помощью которой, очевидно, включался свет; у кресла была отломана ножка, и оно опиралось на стопку книг, среди которых был третий том «Энциклопедии»; в книжном шкафу вместо книг лежала гитара, вернее, то, что было когда-то гитарой, так как ни струн, ни грифа она не имела.

Иван Иванович нагнулся и поднял с пола иглу. Он осторожно положил иглу на стол, потом перенес ее на буфет, подумал и воткнул ее в электрический провод. Он, как ужаленный, отдернул руку, и тотчас же наступила кромешная тьма.

— Все-таки укололся, — сказал Иван Иванович. — Опять этот пакостный мальчишка чего-нибудь натворил! Вечно устраивает свои дурацкие опыты.

— Ничего я не натворил, — послышался спокойный голос за стеной.

— Замыкание! — разъяренно крикнул Иван Иванович.

— Никакого замыкания от моих опытов быть не может, я пользуюсь трансформатором.

— Знаю я твои трансформаторы, аккумуляторы и разные штучки!

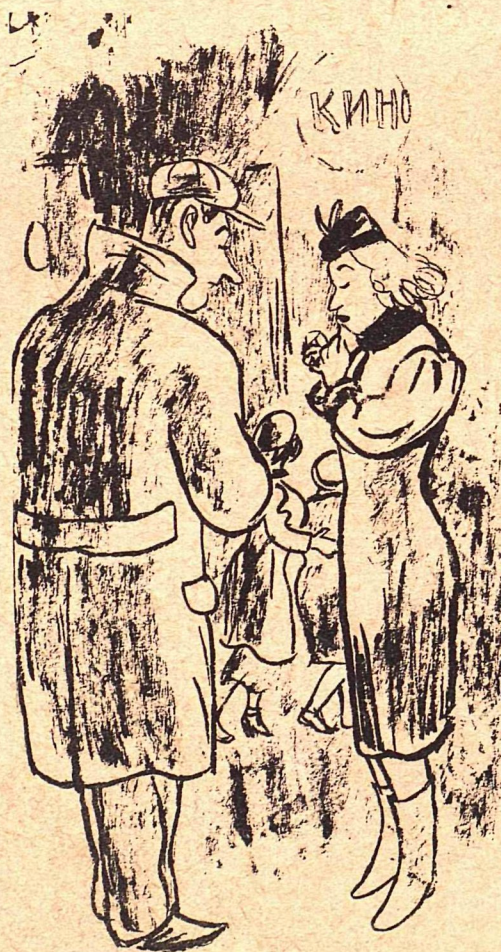


Рис. Л. Генча

ПРИДИРЧИВЫЙ КИНОРЕЦЕНЗЕНТ

— Мне кажется, что сегодня герой этого фильма играл много хуже чем вчера.

— Просто перегорели пробки. Нечего волноваться. Я сейчас исправлю.

— Не смей! — заорал Иван Иванович. — Еще убьет! Не подходи! Я вызову монтера.

Монтера не оказалось: он ушел в гости. — Если ты мне не позволишь, то исправь сам, — сказал «сын века». — Не сидеть же нам в темноте!

— Исправь... А может, это вовсе не пробки, а что-нибудь посерьезней?

— Что же может быть еще? — спросил я. — Ну, например, могли лопнуть эти... как их... амперы... и вообще...

«Сын века» расхохотался. Слышно было, как он передвигал в прихожей лестницу. Чтобы облегчить ему работу, я вынул ошупью иглу. Свет снова вспыхнул, и я решил воспользоваться этим, чтобы распрощаться, но в это время мы услышали душераздирающий женский крик и какое-то шипенье.

Иван Иванович, опрокинув стул, бросился из комнаты, я за ним, в полной уверенности, что взорвался примус. Дверь на кухню была раскрыта. Жена Ивана Ивановича, держа в руках медную ручку крана, вытаращив глаза, смотрела на фонтан, бивший из водопроводной трубы.

Бледный Иван Иванович схватил висевшее на стене полотенце и трясуцимися руками пытался забинтовать трубу, но вода свирепо ударила ему в лицо и оттолкнула на какой-то ящик.

— Одеядо давайте! — визгливо закричал Иван Иванович, поднявшись на ноги, и сам отверженно кинулся на струю воды.

Жена швырнула ему одеяло, простыню, потом подушку и, наконец, полосатый матрац. Иван Иванович затыкал дыру с таким героическим видом, словно это была пробина в корабле, находящемся в открытом океане, но ничто не могло остановить разбушевавшуюся воду.

— Дворника! — изнемогающим голосом простонал Иван Иванович.

Жена его никак не могла открыть дверь в коридор: заскочил ключ. Вода бежала по всей квартире.

— Вася! Да иди же скорей, помоги! — завопил Иван Иванович.

Тогда «сын века» вышел из своей комнаты, спокойно повернул круглую ручку крана, торчавшую над головой отца, и вода остановилась.

Переодевшись, дрожащий Иван Иванович подбежал к столу и залпом выпил стакан водки.

— Первое средство от простуды, — сказал он, поживаясь. — Не признаю никаких порошков... У меня малярия была. Всех докторов обходил — не помогло. А как стал ежедневно разогреваться водкой, — как рукой сняло. Еще один способ знаю от малярии, изумительный: сварить круто яйцо и привязать его к селезенке. Все внутрь впитается, остается только желток. Одного только не пойму: куда скорлупа девается?

Я спросил, как он может выступать с докладом о разрушении атомного ядра и в то же время втыкать иглу в электрический провод, не зная, что такое ампер, бить кулаком по радиоприемнику и затыкать водопроводную трубу матрацем, когда есть второй кран.

Иван Иванович удивленно посмотрел на меня.

— А для чего же тогда существуют электрикомонтеры и водопроводчики? Мне некогда заниматься такими пустяками. Я предпочитаю работать над более сложными проблемами.

Иван Иванович подошел к радиоприемнику, постукал кулаком по крышке, в ответ грянул фокстрот. Иван Иванович завел будильник, снова утвердил его вверх ногами и, подняв стакан, торжественно провозгласил:

— Как там ни говорите, а я глубоко верю в человеческий гений. В недалеком будущем нас ожидают чудеса в области науки и техники.

В. ИЛЬЕНКОВ



Рис. Л. Сойфертиса

— Коля, ты не помнишь, куда я поступила на работу перед тем, как родить Ванюшку? Там еще кассир был такой рыжий, с бородавкой на носу.



В ДЖУНГЛЯХ

Баллада о д...

Жили два товарища
В одном студгородке,
Держали две стипендии
В общем кошелке.
И только гардероб они
Делили пополам:
Два разные костюма
Висели по углам.
Костюм Андрея старый,
Потрепанный, простой,
Защитный неуклюже
Рукою холостой.
В различные эпохи
Пришиты вдоль бортов
Семь пуговиц различных
Калибров и сортов.
Защитная тужурка,
Зеленые штаны,
Лидованные дважды
На обе стороны.
Костюм Сергея синий
Сугубо-выходной,
С плечами подкладными,
С разглаженной спиной.
Жилет на восемь пуговиц
И модные штаны
Велико-или Тихо-
Океанской ширины.

Не даром, засыпая,
Хозяин каждый раз
Укладывал их на ночь
Под собственный матрац.
В вопросе о костюмах
У них был до сих пор
Давнишний нерешенный
Принципиальный спор.
Сергей гордился талией
И плеч прямым углом,
И галстуком, завязанным
Двойным морским узлом.
Андрей считал, что эти
Штаны и пиджаки
И мелкобуржуазны
И слишком широки.
Бессменную тужурку
Он с гордостью носил,
На праздники у друга
Костюма не просил.
Но что прикажешь делать,
Когда кругом весна?
Как ни расширь Тверскую,—
Она опять тесна.
Вотки метелку в землю—
Она начнет цвести.
На воздухе приюта
Влюбленным не найти.

И как места во МХАТе
Вперед на весь сезон,
Разобраны скамейки,
Дорожки и газон.
Толпа у силомеров,
Книсков и весов.
Весенние свиданья
У городских часов,
Под каждым такое
Скопление ждущих масс,
Что даже невозможно
Узнать, который час.
Андрей и не заметил,
Как в две недели он
Весной был завербован
И по уши влюблен.
Имея в институтах
По одному «хвосту»,
Они встречались с девушкой
На Каменном мосту.
И в день, когда решалась
Их общая судьба,
В Андрее бушевала
Душевная борьба.
Свою принципиальность
Забудь решил он:
И к другу униженно
Явился на поклон:

— Хотя такие брюки,
Такие пиджаки
И мелкобуржуазны,
И слишком широки,
Но если жизнь товарища
Ты ценишь хоть во грош,—
Ты мне костюм одолжишь,
А мой себе возьмешь.
И друг его гуманный
В мольбе не отказал:
В порядке шефства галстук
Андрею завязал.
На трудный случай, если
Своих не хватит слов,
В карман засунул томик
И. Уткинских стихов.
В величественной позе
Андрей, как на посту,
Стоял на прежнем месте,
На Каменном мосту.
От Крымского к Чугунному
В воде луна плыла.
С часовым опозданием
Любимая пришла.
Они, схватившись за руки,
Бродили дотемна.
Она была, вне всякого
Сомнения, влюблена

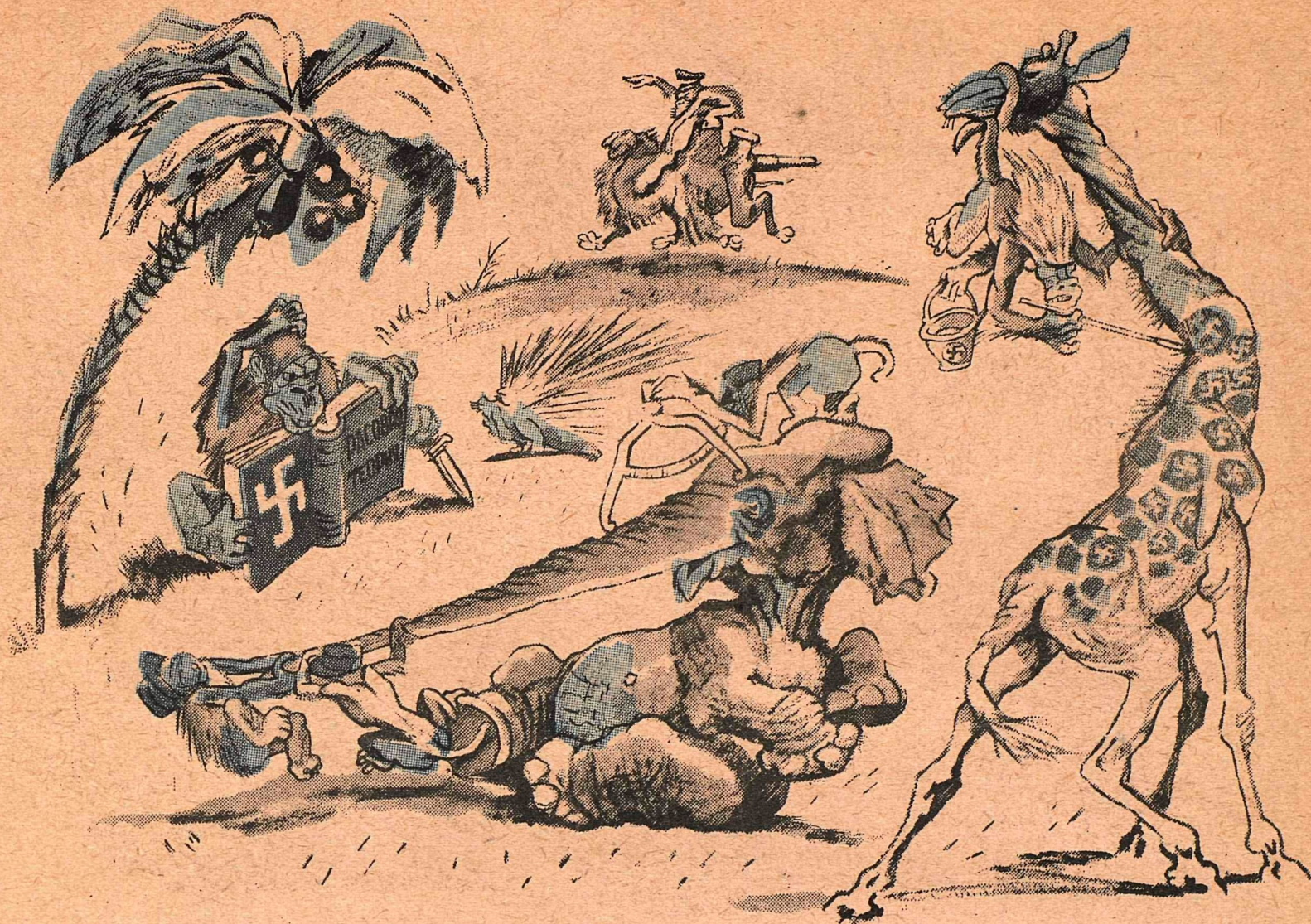


Рис. В. Гальба

IX III ИМПЕРИИ

Уж в костюмах

Придя домой с прогулки,
 Андрей костюм вернул,
 С младенческой улыбкой
 На тюфяке уснул.
 И утром вновь оделся
 В тужурку и штаны,
 Лицованные дважды
 На обе стороны.
 Все было бы прекрасно,
 Но через десять дней,
 Когда Андрей на Чаплина
 Пойти собрался с ней,
 Она ему сказала:
 — Ты тот костюм надень,
 В котором на свиданье
 Явился в первый день.
 Хоть для меня, ты знаешь,
 Костюмы все равны,
 Но он напоминает
 Мне лучший день весны.
 Пришлось бежать к Сергею,
 Опять костюм просить
 И убеждать в жертву
 Любимой приносить.
 Зато она, прощаясь,
 Сказала: — Милый мой,
 Ты слишком редко носишь
 Костюм, любимый мной.

Ты в нем такой красивый,
 Смотри, не забывай:
 Его всегда отныне
 При встречах надевай.
 Так начались мученья.
 Запутавшись в страстях,
 Андрей ловил Сергея
 В театрах и в гостях.
 И, заклиная дружбой,
 Силком его волок
 В какой-нибудь укромный
 И темный уголок.
 Доверчивого друга
 До нитки раздевал,
 Свои штаны с тужуркой
 Взамен ему совал.
 Так целый год тянулось.
 Но есть предел всему,
 Однажды стало стыдно
 Костюм просить ему.
 Андрей сидел, как туча,
 Нахохлен и угрюм,
 Когда Сергей внезапно
 Сам предложил костюм:
 — Оставь свою тужурку,
 А мой костюм бери,
 Без всякого смущенья
 Гуляй хоть до зари.

И, тронутый вниманьем,
 Признательный Андрей,
 Чтоб друг не передумал,
 Простился поскорей.
 Едва за дверью смолкли
 Андреевы шаги,
 Сергей надел тужурку,
 Почистил сапоги.
 Он сам одной студентке
 Представлен был наднях
 В андреевом костюме,
 В фуражке и ремнях.
 Он был одет, как воин,
 И мало говорил,
 Своим суровым видом
 Он сердце покорил.
 Она смотрела робко:
 — Мне кажется порой,
 Что если не герой вы,
 То будете герой.
 Прошу вас, одевайте
 Отныне каждый день
 Защитную тужурку
 И кожаный ремень.
 Смотри на них, я вспомню
 Тот незабвенный час,
 Когда весной впервые
 Я увидела вас.

Так жизнь сама решила
 Принципиальный спор...
 Друзья все делают поровну
 И дружат до сих пор,
 Костюмами своими
 Меняясь вновь и вновь...

Костюмы нам недорого —
 Нам дорога любовь.
 Нам дороги веселье
 И юные года,
 Вечерние фонарики,
 Апрельская вода,
 Катанье с поцелуями
 Вдоль всей Москвы-реки
 И всей речной милиции
 Суровые свистки,
 Осенние закаты,
 Весенняя зоря,
 И волейбол с апреля,
 И лыжи с ноября,
 Прощанье у трамваев,
 Свиданья на катке...

Жили два товарища
 В одном студгородке.

ОВИДИЙ НАРЗАН

Письмо в редакцию

Уважаемый товарищ редактор!

Поскольку разгильдяйство и отлынивание есть большое зло и позор на фоне наших трудовых успехов и как вы являетесь железной метлой и стоите на страже, считаю своим долгом вскрыть подобный случай, а также насчет опозданий.

Опишу подробно, как все вышло. Я работаю шофером-водителем маршрутной машины-такси «Зис-101» за номером МА-3256. И хотя все говорят, будто я ежедневно пью и появляюсь на работе не в трезвом виде, это исключительно на нервной почве. И вообще, если под колеса все время суются прохожие старушки, а сзади пассажиры кричат «давай билеты», то спрашивается: как после этого не пить? Это все я пишу к тому, что хотя вообще я человек тихий, но у меня нервный характер, который не может переносить безобразий, вследствие чего и произошла драка. Но драка была потом, а сначала меня расстроил заведующий парком Ключев А. И., который 11-го числа мне грубо заявил:

— Если ты, Федор Степанович, в свои смены работать не можешь, то ты, пожалуйста, напиши докладную записку, а то у меня от твоих прогулов голова идет кругом и нарушается график.

Я на такое нахальство ничего не ответил, но пошел работать с расстроенным настроением и на всякий случай заехал выпить двести грамм водки для успокоения нервов. От этого мне стало еще обиднее, и хотя вообще я человек тихий, но я начал поругиваться с пассажирами, которые слишком волновались насчет билетов.

И тут, как раз у Покровских ворот, ко мне в машину садится какой-то гражданин в круглой бобровой шапке и в пальто с бобровым воротником. Он говорит, куда ему надо, я отрываю на два рубля билетов и вдруг замечаю, что мой пассажир начинает шарить по карманам и даже расстегивает пальто. Лицо у него растерянное, глаза бегают, и он бормочет себе под нос:

— Куда ж я его дел? А? Позвольте! Тут нет... Значит, здесь... Нет, и здесь нет... Сейчас, товарищ, одну минуточку!

Я, конечно, сразу понимаю, в чем дело, и гсворю:

— Что, бумажник, наверно, потеряли?
— Да,— говорит,— кажется, потерял...
— Ага! А может быть, дома оставили?
— Может быть, и так,— говорит он.
Тут меня берет злость.

— Что ж ты,— говорю,— раззява, в машину лезешь, не проверивши доходов? Я вас, шантрапу, знаю! Я тебя сейчас сдать милиционеру, тогда узнаешь, как зайцем ездить.

Тут вмешиваются остальные пассажиры и начинают заступаться:

— За что же, товарищ водитель, сразу к милиционеру? Человек, может быть, и в самом деле деньги потерял, а вы бросаетесь как тигр...

— Кто тигр,— спокойно отвечаю я,— это — не ваше собачье дело. А данного зайца я сдам в милицию.

Но тут сам безбилетный пассажир вдруг достает какую-то бумажку и протягивает мне.

— Вот,— говорит,— у меня есть контрамарка в театр. Может быть, вы возьмете ее в уплату? Она дороже стоит. Все равно я уж не успею.

Я посмотрел. Контрамарка правильная: с печатью, с числом. А места даже в ложе.

— Ладно,— говорю.— Можете ехать. Я за вас из своих выложу.

Поехали дальше. Тут мне представилось, как хорошо пойти в театр, послушать музыку, и от этого будущего культурного отдыха у меня настроение совсем переменялось. Я даже спасибо сказал своему пассажиру. А он вежливо поклонился и сказал:

— Пустяки! Это вам спасибо. Вы меня сильно выручили.

И остальные пассажиры тоже одобрили мой поступок. Так мы ехали мирно и хорошо, пока не застряли перед светофором у Кировских ворот. А у Кировских ворот я посмотрел на часы и обомлел: было без десяти семь. «Что же

это такое? — подумал я.— У меня билет на два лица, Верочка как ни в чем не бывало сидит дома, начало в полвосьмого, а я тут прохлаждаюсь с пассажирами? Где же,— думаю я,— мое культурное развлечение?»

Но особенно долго думать некогда. Я вижу, что нужны срочные меры, подаю машину к тротуару и говорю своим пассажирам:

— Вылезайте! Машина дальше идти не может!..

— А почему? — спрашивает дамочка с первого сиденья.— Что случилось?

— Вам, гражданка,— отвечаю,— этого не понять. Здесь технические причины.

— Какие же это причины? — вмешивается пассажир из заднего угла, такой суровый мужчина с портфелем и приусах.— Я сам механик, и мне интересно узнать, в чем дело. Может быть, я могу быть полезен?

— От вас,— говорю,— никакой пользы нет и быть не может. Просто в моторе, я слышу, странные хлопки и хрипы. У меня на этот счет есть свои подозрения.

— По-моему, все в порядке, товарищ. Вы, наверно, ошиблись,— не унимается усатый.

И тут вдруг подает голос мой безбилетник в бобровой шапке.

— Не слушайте его! — кричит он.— Мне все понятно! Я ему дал билет, и он спешит в театр! В этом причина. Никаких неполадок в моторе нет. Все он выдумывает! Не вылезайте, товарищи! Не вылезайте!

Этого я стерпеть не мог, и, хотя вообще я человек тихий, тут и я закричал:

— Раз ты контрамарочник, заткнись и молчи! Везут тебя — хорошо, а говорят вылезай,— значит, вытряхивайся! И вообще какое вам дело, куда мне надо! Хотя бы и в театр. Имею я право на культурный отдых или нет? Имею! Словом, машина дальше не идет, и все тут!

Конечно, пассажиры еще долго возмущались. Гражданка с переднего сиденья стала записывать номер, а бобровый безбилетник так прямо и сказал:

— У вас сегодня работа, и самовольно отлучаться вы не имеете никакого права! Это — издевательство над нуждами широких масс, и вас надо привлечь к суду! Скажите сейчас же вашу фамилию!

Фамилию я ему не сказал, но все-таки ответил:

— Насчет суда — это у вас еще руки коротки, а контрамарочники могут и на своих ногах дойти!

Сказал и уехал. Заехал я за Верочкой, и в театр мы поспели как раз к началу. Правда, удовольствия я уже не чувствовал. Меня так возмутила человеческая грубость, что я всю первую картину просидел в буфете и для успокоения нервов пил пиво с мандаринами. К началу второй картины Верочка все-таки затащила меня в ложу.

Погас свет. Заиграл оркестр, и я приготовился культурно отдыхать. Вдруг из-за занавеса вышел какой-то человек и поднял руку. Музыка замолчала. Человек сказал:

— Товарищи! Дирекция приносит свои извинения, но по техническим причинам спектакль сейчас продолжаться не может. Желавшие могут получить деньги обратно.

Поднялся шум. Я решил пострадать за всех и побежал на сцену объясняться.

— Зрители желают знать,— спросил я,— какие это технические причины?

Представитель дирекции сначала смутился, а потом сказал:

— Пожалуйста. Если хотите, я могу объяснить. Наш ведущий актер, бас, не явился. Он, должно быть, заболел...

В зале начались крики, что это — безобразие и надо сейчас же написать в жалобную книгу и во все газеты. Я от имени всех так прямо и заявил:

— Ваш бас — разгильдяй! У него сегодня работа, и самовольно опаздывать он не имеет никакого права! Это — издевательство над нуждами широких масс, и баса надо привлечь к суду!

Только я это сказал, как из-за кулис выбежал мой безбилетник в бобровой шапке. Он

совсем запыхался. Он начал что-то кричать и показывать на меня пальцами, но я уже ничего не слышал, потому что тут-то и произошла драка. Когда я опять увидел его контрамарочную личность и понял, что это из-за него срывается мой культурный отдых, я не удержал своих нервов и ударил его два раза по уху, в чем и признаю свое нетактичное поведение и излишнюю грубость.

В другой раз благодаря заведующему парком тов. Ключеву А. И. я просмотрел всю пьесу целиком, получив билеты для перевоспитания и успокоения нервов. Но я все-таки не считаю вопрос исчерпанным, почему и пишу вам. Я описал подробно этот случай, уважаемый товарищ редактор, чтобы показать, какое это зло на фоне наших трудовых успехов, когда некоторые отлынивают и опаздывают, и как отдельные басы действуют на нервы трудящемуся населению.

К сему шофер-водитель Ф. С. Брейкин.

Письмо передали в редакцию
А. РАСКИН, М. СЛОБОДСКОЙ

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОР

ТРИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Какой-то немец назвал Геббельса свиньей Немца обвинили в трех преступлениях:

1. Нарушении порядка.
2. Оскорблении человека, стоящего у власти.
3. Разглашении государственной тайны.

(«New Statesman and Nation», Лондон)

НАХОДЧИВЫЙ ОСЕЛ

В Берлине, когда никто из приверженцев фашистского режима не может подслушать, рассказывают следующую историю.

Один немецкий фашист, будучи в Дании, так много рассказывал о триумфе гитлеризма, о прекрасной жизни, которой живет гитлеровская Германия, что очень сильно повлиял на умы трех животных, случайно его подслушавших: собаки, коровы и осла. Посоветовавшись, они решили отправиться в Германию и лично убедиться в слышанном.

Подходя все ближе и ближе к германской границе, они встречали много беженцев, бегущих из Германии, которые рассказали им правду об условиях жизни в «третьей империи».

Животные остановились для обсуждения создавшегося положения.

— Я не иду,— сказала собака,— они меня там укусят.

— И я тоже не пойду,— сказала корова,— они выдоят меня до смерти.

— А я пойду! — заревел осел.— Держу пари, что не пройдет и года, как я буду избран председателем национал-социалистской партии.

(«Daily Clarion», Канада)

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК

Молочный грузовик врезался в другой грузовик. Масса бутылок из-под молока была разбита.

— Бедный парень! Тебе придется оплатить хозяину все причиненные ему убытки? — спросил симпатичный человек из толпы.

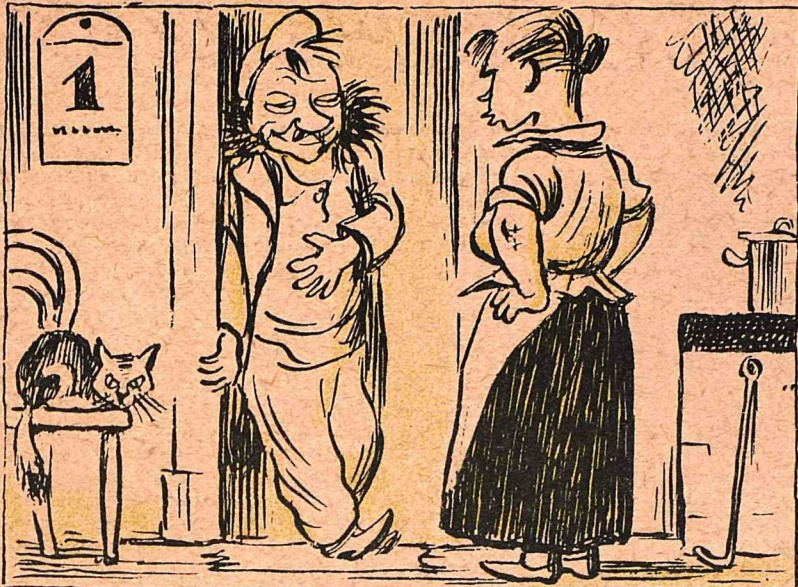
— Да, сэр,— ответил убитый горем молочник.

— Это ужасно,— последовал ответ.— Вот тебе четвертак, и я сейчас пушу по рукам шляпу, и мы наскребем для тебя что-нибудь.

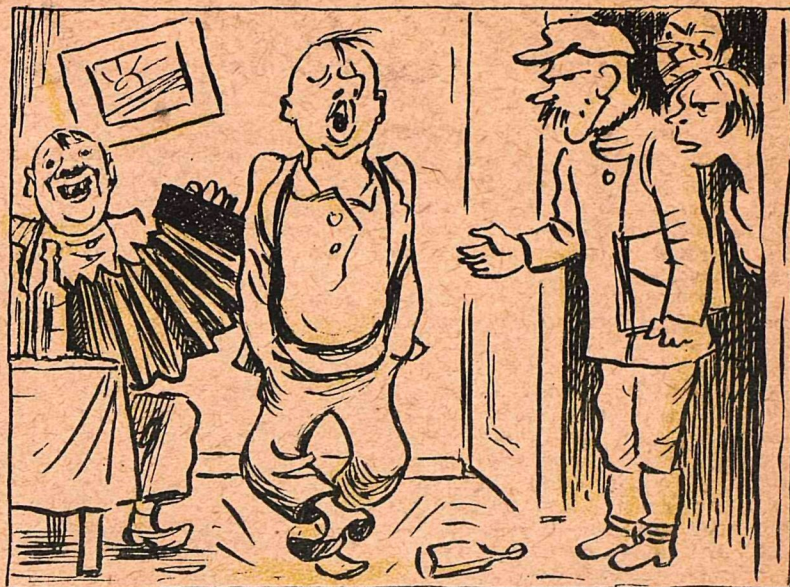
После того как деньги были собраны, шофер-молочник сказал стоящему рядом наблюдателю, указывая на симпатичного человека:

— Это и есть мой хозяин. Он же знает, что мне было бы нечем ему уплатить!

(«Daily Clarion», Канада)



За то, что Иванов первый день пятидневки провел в пивной и не был на заводе, жена устроила ему нахлобучку.



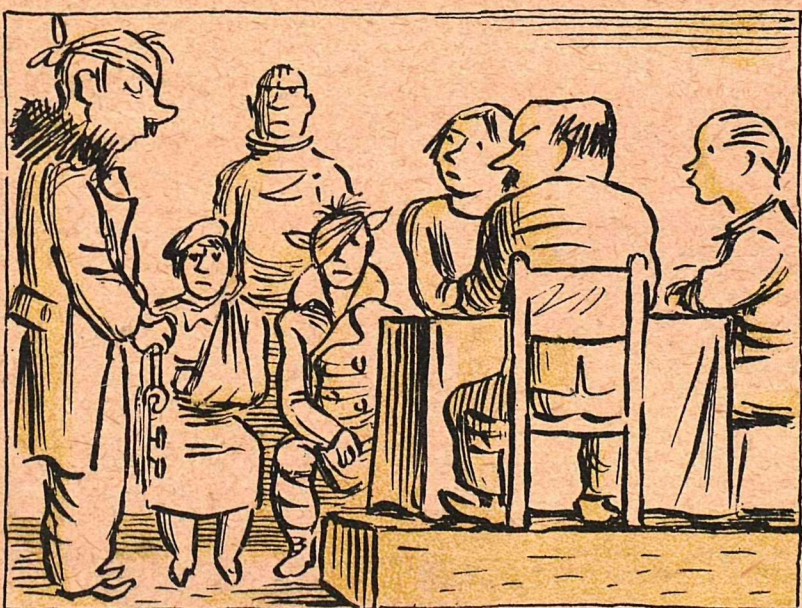
За то, что на следующий день, вместо того чтобы идти на завод, Иванов вместе с приятелем шумели в квартире, управдом призвал их к порядку.



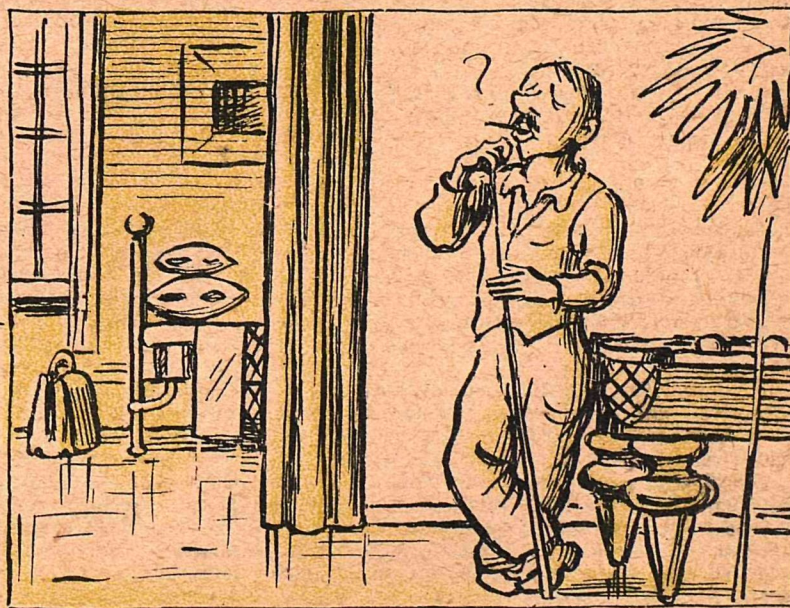
За то, что в третий день пятидневки Иванов скандалил в трамвае, его оштрафовали на 25 рублей.



За то, что в четвертый день пятидневки Иванов разбил стекло в магазине, его оштрафовали на 50 рублей.



За то, что в пятый день пятидневки Иванов дебоширил на катке, народный суд приговорил его к одному месяцу принудительных работ.



И на выходной день заводской комитет дал Иванову путевку в однодневный дом отдыха, с тем чтобы Иванов как следует отдохнул после бурно проведенной пятидневки.

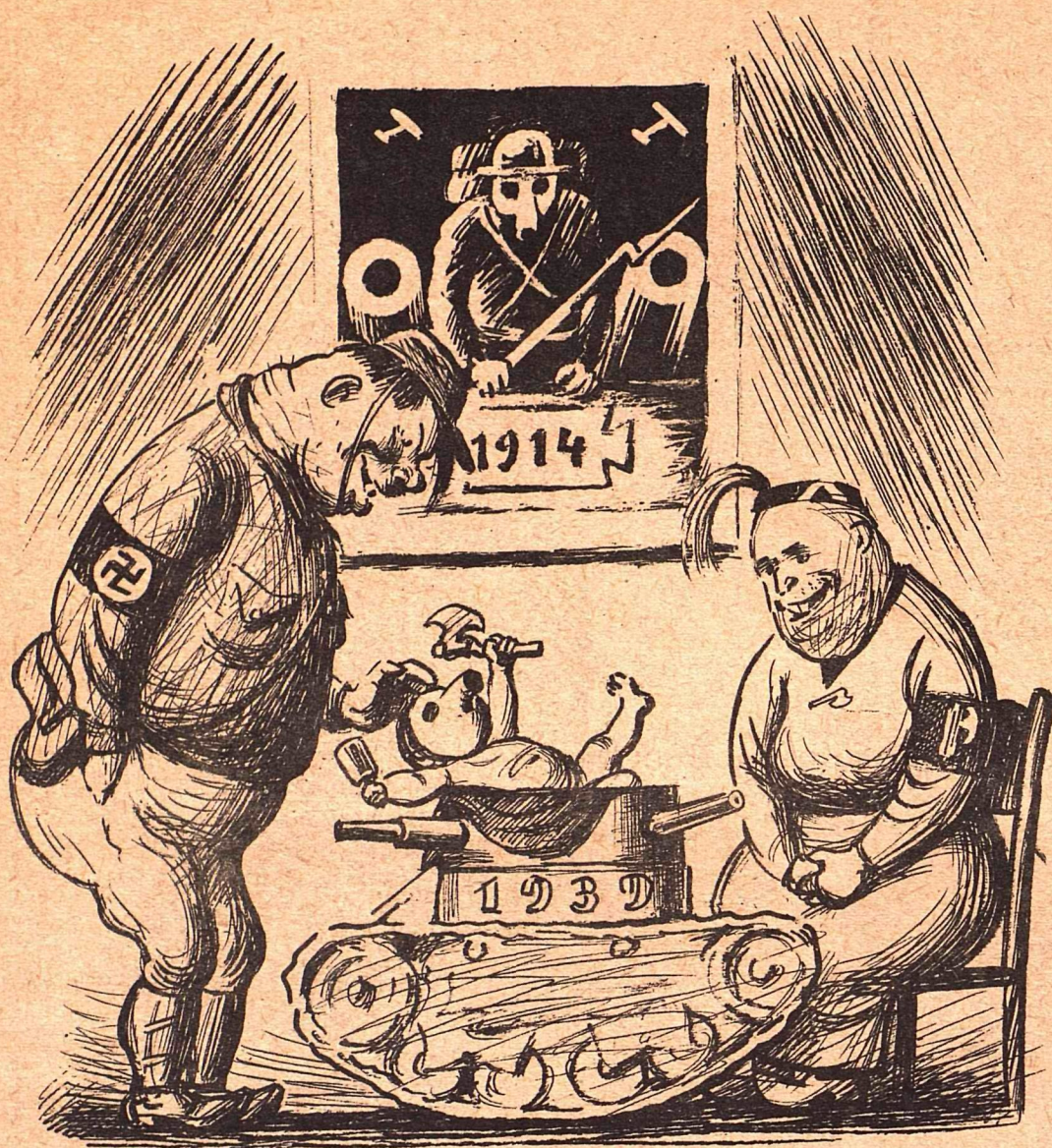


Рис. Н. Радлова

ОТЦЫ И ДЕТИ

— Посмотри: малютка вышел весь в дедушку!..

Остров в степи

СТЕПИ... Бескрайние, беспредельные. Едешь по ним, и кажется, что...

Впрочем, Николай Васильевич Гоголь живописал природу куда более ярко и красочно. А потому присоединимся, как говорится, к предыдущему оратору и вместе с Н. В. Гоголем воскликнем:

— Чорт побори, степи, как вы хороши!

И вдруг в степи остров. Аскания-Нова. Государственный заповедник. Институт гибридизации и акклиматизации животных. Новые породы свиней, коров, овец. И зубры. Краснозобые казарки. Бизоны. Фантастические гибриды — остаток вредного увлечения экзотикой.

И, конечно, туристы. Десятки тысяч туристов. Всякие. Входящие в Асканию, как в храм науки. Праздно-любопытствующие. Восторженные. Равнодушные.

...В ботаническом парке Аскания-Нова показывают садовую скамейку. На ней долгими часами сиживал инспектор ЦК союза высшей школы и научных учреждений товарищ Алимов. Милейший человек! Загорел, поправился под щедрым здешним небом. На шестнадцатые сутки инспектор неожиданно решил уехать.

Местком срочно созвал профактив выслушать руководящие указания представителя ЦК профсоюза. Но товарищ Алимов уже исчез. Растаял, утопая в сиянье голубого дня.

Был здесь также товарищ Выкин. Тоже из ЦК профсоюза. Выкин — громовержец. Появился он как метеор. На полчаса. Созвал собрание. Метал громы и молнии: «Все плохо!» И тоже уехал.

В книге почетных посетителей заповедника есть также записи и о работниках Новотроицкого райкома партии. Как сейчас помнит сей знаменательный случай благородное население Аскания-Нова. Был безоблачный летний день. Дорогой гость из райкома долго любовался африканским страусом. Даже прослезился: до чего искусна природа! Облагороженный общением с природой, товарищ представитель к вечеру отбыл в район.

Наиболее яркие примеры конкретного руководства в памяти асканийцев связаны с Новотроицким райисполкомом. Получил Институт для своего почтового отделения полуторатонку. Недремлющий рик сейчас же включил в орбиту своего конкретного руководства ука-

занный продукт автомобильной промышленности и забрал машину себе. Растроганные этим вниманием, асканийцы сейчас работают над проектом доставки почты по участкам на страусах и быстроногих антилопах гну.

Непрестанные заботы областных организаций вызывают у асканийцев неподдельные слезы умиления.

Недавно Николаевский обком партии собрался прислать в Асканию лекторов по истории ВКП(б). Правда, лекторы присланы не были, но чего стоит самый факт внимания!

В золоченой раме берегут асканийцы собственноручное письмо заведующего отделом пропаганды и агитации обкома товарища Стороженко, собственноручно подписанное им 2 декабря сего года:

«Просьба ваша об увеличении количества газет на 1938 год удовлетворена быть не может...»

Правда, еще 25 ноября партийный комитет Института уже успел добиться нужного количества газет... Но разве не сквозит меж строк этого письма трогательная забота товарища Стороженко об интеллигенции?!

Как товарищ Стороженко, так и его заместитель товарищ Цукерман выгодно отличаются от товарища Кривенко, заместителя председателя оргкомитета. Товарищ Кривенко много наобещал руководству Института. Товарищ Стороженко и товарищ Цукерман, напротив того, ничего не обещали. Товарищ Стороженко через газету «Южная правда» публично бил себя в грудь за невнимание к запросам интеллигенции Аскания-Нова. Товарищ Кривенко, напротив того, не только не писал статей в газету, но даже и не бил себя в грудь.

А пока в Аскании-Нова есть много неразрешенных задач.

Задача первая. В Аскании-Нова около 2 тысяч взрослого населения. В Институте 300 интеллигентов. В парторганизации 65 членов и кандидатов партии. Комсомольцев — 175. Спрашивается, как разделить между ними 10 экземпляров «Краткого курса истории ВКП(б)», полученных здесь благодаря неусыпным стараниям отдела пропаганды и агитации Николаевского обкома партии?

Ответ. Математическое решение задачи невозможно. Можно организовать продажу учебника через Когиз. Но до этого здесь пока не додумались.

Задача вторая. Сколько раз может повторяться одна и та же ночь?

Ответ. Вообще не может. Исключение представляет Аскания-Нова, где кинокартина «Последняя ночь» шла 7 раз. Злополучная ночь может повториться и восьмой раз. Все зависит от усердия Николаевского областного кинотреста.

Задача третья. Во сколько дней могут покрыть расстояние от Николаева до Аскания-Нова николаевские передвижные театры?

Ответ. Примерно в 150 дней. К 1 мая (см. оперативный план областного комитета по делам искусств).

Задача четвертая. Какой процент научных работников Аскания-Нова обращается за помощью к зубному врачу, если ближайший зубоучасток находится на расстоянии 100 километров от поселка — в городе Геническе?

Ответ. Процент не поддается вычислению. Не поддается вычислению и продолжительность волокиты с посылкой в Асканию-Нова зубного врача, затеянной Наркомздравом Украины и Николаевским областным здравотделом.

Задача пятая. Сколько научных работников Аскания-Нова курят папиросы?

Ответ. От курения папирос временно воздерживаются. В Аскании-Нова нет ни папирос, ни спичек. Херсонторг и Новотроицкий райпотребсоюз спорят, кто должен обслуживать Асканию-Нова.

Задача шестая. Что делать, когда в клубе не топлено, в библиотеке нет света, газеты поступают на пятый день, магазин книгами не торгует, радио работает по настроению радиотехника?

Ответ. Писать заявления в николаевские организации. Но за успех не ручаемся.

Е. ВЕСЕНИН, Е. ЕФРЕМОВ

Аскания-Нова,
декабрь.



Рис. Л. Бродаты

ТРУДОВОЙ ДЕНЬ В РЕДАКЦИИ ПАРИЖСКОЙ ГАЗЕТЫ «МАТЭН»

- Немцы щедро оплачивают мои статьи.
- Воображаю, как тебе противно их писать.
- А я их и не пишу. Они сами пишут.



Рис. Л. Соифертиса

- И не стыдно тебе: здоров, а в школу не пошел.
- Да ведь и ты на службу не пошел.
- Во-первых, я большой, а во-вторых, я заведующий.

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

УПРЯМЫЙ ЧЕЛОВЕК

Уж сколько раз и критики и читатель просили писателя Ф. В. Гладкова быть поосторожнее по части словесных изобретений и выкрутасов! Но вот опять в «Новом мире» № 10 Гладков пишет в своем романе «Энергия» (стр. 36):

«— Даша боролась самостоятельно... Она ожелезилась и выработала в себе стойкость и неподатливый характер бойца».

Так, «Ожелезилась». Хорошо, что только «ожелезилась». При таком авторе могла бы и «обульжиться», «охворостиниться».

Конечно, и читатель Гладкова некоторым образом уже «ожелезился». Он привык к тому, что может встретить у маститого писателя тяжелые, железобетонные словечки. Но даже и этого, видавшего виды читателя может ошарашить разговор двух персонажей «Энергии» в том же десятом номере «Нового мира» (стр. 16).

Мирон спрашивает двадцатитрехлетнюю Наташу:

«— Наталка, ведь тебе уже двадцать три года. Как же это без любви-то?»

«— Потребности деторождения у меня пока нет... Хотя я, как видишь, вполне для этого готова...»

Какой тонкий психологический штрих! Какое блестящее проникновение автора в самую сокровенную суть своего персонажа!

МИРАЖ

В Балахнинский Дом Культуры при бумажном комбинате пришел недавно посетитель:

— Мне к директору.

— По какому делу? — спросила гардеробщица.

— Хочу на работу к вам наняться. Очень уж хороший у вас директор. Вчерашний день я видел: идет ваш директор, а за ним — сотруд-

ники Дома. Все у него просят деньги, и всем он дает деньги. Кому — пять рублей, кому — три, кому — «червяк»... Никого не обидел.

Гардеробщица горько засмеялась и, постучав костяшкой пальца по барьеру, сказала, явно обращаясь к посетителю:

— И-эх, и дурак ты, братец!.. Нашел, чему завидовать! Нешто это директор подарками оделяет?.. Это, если хочешь знать, он сует деньги в счет зарплаты за август месяц. Вот какие у нас дела! А ты говоришь, у нас дела! А ты говоришь, у нас служить хорошо... Товарищ Распониин, — обратилась тут гардеробщица к подошедшему человеку, — это к вам посетитель... Ну, вот он — директор. Нанимайся!

Но посетитель, выпучив глаза, отмахнулся обеими руками и, выбегая из Дома, закричал:

— Что ты, что ты!.. Я пошутил... Я сейчас меня дома ждут...

Посетитель убежал. Ну, а работники Балахнинского Дома Культуры? Им куда бежать?

Им надо бежать к местному райпрокурору и, передав ему весь материал о задержке зарплаты, потребовать... Ну, известно, чего потребовать.

ПОДЕЛИТЕСЬ ОПЫТОМ

Работник районной газеты Ярославской области тов. Гусев прислал в областную газету «Северный рабочий» заметку о том, что племях № 20 не обеспечен кормами. В «Северном рабочем» умудрились эту заметку прочитать так, что она оказалась им, наоборот, материалом о положительных фактах. И вот из «Северного рабочего» пишут своему корреспонденту:

«Тов. Гусев!

Ваше письмо об обеспечении скота крепкой кормовой базой в племяхе № 20 хорошее. Но вы не указываете конкретно людей, работающих по-стахановски на заготовке корма. Наша просьба к вам написать подробнее об этом племяхе и рассказать конкретно, каким пу-

тем там добились лучшего обеспечения скота кормом на зиму.

С приветом

Зам. отв. редактора Мосунов

Зам. зав. сельхозотделом Бондарев».

А у нас просьба к «Северному рабочему» — написать подробнее, как в «Северном рабочем» добились удивительного искусства читать поступающие в газету корреспонденции и не понимать, что написано. Поделитесь опытом, граждане!

ЭКРАН ЖИЗНИ

Недавно инвалиды и персональные пенсионеры Москвы и Московской области были удивлены настойчивыми призывами «Вечерней Москвы» вступать, не теряя драгоценного времени, в джаз-оркестры. Настойчивость, с которой «Вечерняя Москва» предлагала персональным пенсионерам взяться, наконец, за саксофон, и в самом деле достойна изумления. Три дня: 29 ноября, 1 и 2 декабря — газета печатала следующее трогательное объявление:

ПРИГЛАШАЮТСЯ
для работы
в ДЖАЗ-ОРКЕСТРЫ
ИНВАЛИДЫ (II группы)
и ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ПЕНСИОНЕРЫ, а также
КИНОМЕХАНИКИ.
 Обращ.: Оружейный пер., 45, к дежурному кинотеатра до 12 час. дня. Тел. Д-1-40-25.

— Как нам удалось установить, в Оружейном переулке помещается кинотеатр под философским названием «Экран жизни». Дирекция этого кино взбрела в голову гениальная идея — укомплектовать свои джаз-оркестры персональными пенсионерами. «Вечерней Москве» эта идея безумно понравилась.

Следует ожидать, что, окрыленная столь авторитетной поддержкой, дирекция кинотеатра вздумает организовать из персональных пенсионеров балетную и акробатическую труппу. Интересно знать: поддержит ли «Вечерняя Москва» и эту идею?



Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Хочу через тебя передать извинение секретарю председателя Центросоюза товарища Хохлова: я чуть было не заподозрил ее в бюрократизме... А дело было так.

14 декабря ко мне, по поручению избирателей, приехал тов. Г. Л. Зуев. Просил помочь улучшить снабжение кропоткинского Дома колхозников. Направились мы с ним в Центросоюз: авось, товарищ Хохлов поможет мне разрешить дело.

Но его секретарь остановила нас: «Приема нет...» «Ну и бюрократ этот секретарь!» — подумал я и попросил ее еще раз доложить о моем деле председателю Центросоюза. Вернувшись из кабинета тов. Хохлова, секретарь подтвердила: «Сегодня нельзя. Вас, тов. Борин, примут завтра».

Стыдно мне стало перед моим избирателем. Стыдно за Центросоюз, за тов. Хохлова...

А секретаршу я обвинил в бюрократизме напрасно. Она не виновата!

К. БОРИН,

депутат Верховного Совета СССР
Москва

Дорогой Крокодил!

Я изобретатель. Изобрел универсальную сеялку, которая была одобрена и покойным И. В. Мичуриным и академиком Вильямсом. Но вот ничего я не могу изобрести такого, что заставило бы Чкаловский областной исполнительный комитет снизить к моим двухгодичным хлопотам и дать мне помещение, в котором я мог бы жить без ущерба для здоровья жены и детей. За меня хлопочет и оргбюро ЦК профессионального союза работников земорганов и Чкаловский обком союза, но все это тщетно.

Не изобретешь ли ты, дорогой Крокодил, какое-нибудь средство воздействовать на наших сановников?

Л. ДЕРНОВ

ПРИМЕЧАНИЕ КРОКОДИЛА: Попробую. Хорошо было бы, тов. Дернов, если бы вы сообщили нам, кто персонально в чкаловских организациях мешает вам в этом деле. У нас нашлось бы несколько ласковых слов для этих людей.

Дорогой Крокодил!

Квас варят из сухарей. Класть в него для вкуса сапожные гвозди не обязательно.

Прошу тебя сообщить эту популярную истину работникам ленинградской материальной базы Главбухи, а то они, видимо, не в курсе дела.

Я думаю так потому, что наш квасной завод в Петропавловске на

Камчатке вдруг ни с того ни с сего получил от этой самой базы счет на сапожные гвозди.

В. ВОРОНЬКОВ

Петропавловск на Камчатке

Дорогой Крокодил!

Передай, пожалуйста, гражданам, собирающимся посмотреть «Горе от ума» в Малом театре, что бессмертная комедия кончается словами Фамусова: «Ах! боже мой! что станет говорить княгиня Марья Алексевна!», а не монологом Чацкого — «Карету мне, карету!» И за калошами в раздевалку нужно торопиться именно при словах «Марья Алексевна». А то получается конфуз: часть публики не вовремя бросается из зрительного зала и благодаря своей некультурности мешает остальным дослушать до конца спектакль.

Т. ЛАВРОВА

Москва

Дорогой Крокодил!

История эта не нова: в январе 1938 года я купил себе патефон, потом в патефоне сломалась пружина. Потом у нас, в Ташкенте, я обегал все магазины, но пружины не достал. Потом стал просить товарищей, уезжающих в другие города, приобрести мне там пружину. Сегодня я располагаю уже тридцатью письмами из разных городов Союза, в которых (в письмах) сообщается, что и в данном городе пружин нету. Передай об этом, Грампласттресту и патефонным фабрикам.

Ф. САКАЕВ

Ташкент

Дорогой Крокодил!

Если обыкновенная пихта стоит весной 60 копеек, то сколько должна стоить эта же пихта осенью? Всякий здравомыслящий человек ответит, что цены на пихты не меняются в зависимости от времени года. А вот директор садово-паркового хозяйства Кузнецкого металлургического комбината Ятченко считает, что за пихту, которая стоила весной 60 копеек, осенью следует брать уже 1 рубль 50 копеек,

«так как она целый год росла и уход за ею».

И получается, таким образом, что товарищ Ятченко вместо взращивания самих растений занимается, скорей, взращиванием цен.

Е. СИМОНОВСКИЙ,

заведующий отделом благоустройства коммунального управления Кузнецкого металлургического комбината.

Город Сталинск,
Новосибирской обл.



Рис. И. Семенова

В НОЧЬ ПОД РОЖДЕСТВО

УПРАВДОМ (бабе-яге): — Чем зря шататься с метлой, поступила бы ты ко мне лучше в дворники.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 80 к. в месяц

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Москва. Изд. № 1231

Слача текста и рисунков 20 XII—38 г.

Подп. к печати 3/1—39 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита № Б—58720. Типография газ. „Правда“ имени Сталина. Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 3458. Тираж 275000 экз.

ТЕХНИКА ИТАЛЬЯНСКОГО ФУТБОЛА

(Н. футбольному матчу Италия — Франция, состоявшемуся в Неаполе)

Рис. Ганфа

45
Общество
1939



Крепкая защита и ...



... хорошо налаженное нападение — залог победы.